

УДК 340, 17

DOI: 10.34670/AR.2023.47.20.056

Этические ориентиры понимания добросовестности в контексте гражданского права РФ

Бытдаева Алина Хасанбиевна

Бакалавр,

Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета,
99034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5;
e-mail: alina.bytdaeva@mail.ru

Ларионов Игорь Юрьевич

Кандидат философских наук, доцент,

и.о. заведующего кафедрой философской антропологии,

Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета,
99034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5;
e-mail: i.larionov@spbu.ru

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ №22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ».

Аннотация

Статья посвящена анализу понятия добросовестности с целью выявления его этических аспектов. Актуальность работы обусловлена отсутствием законодательно закрепленной формулировки его содержания, что создает трудности в понимании и определении его существенных свойств. В ходе исследования авторы приходят к выводу, что элементы содержания понятия «добросовестность» указывают на его скрытое этическое значение, которое не только не исключает юридическое, но эффективными образом его дополняет. В связи с этим в статье рассматривается проблема взаимосвязи и взаимоотношения права и морали, и авторы выдвигают гипотезу, что те правовые отношения, к которым применим принцип добросовестности, описываются в этике через такие категории, как ответственность, честность, порядочность, моральный долг. В основе методологии исследования лежат принципы комплексного анализа истории этических и правовых идей. При изучении и анализе теоретических исследований отечественных и зарубежных авторов, а также материалов судебной практики использованы сравнительный метод и метод обобщения. Категория добросовестности также проанализирована с применением парадигм деонтологической этики и этики добродетели.

Для цитирования в научных исследованиях

Бытдаева А.Х., Ларионов И.Ю. Этические ориентиры понимания добросовестности в контексте гражданского права РФ // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 4А. С. 294-307. DOI: 10.34670/AR.2023.47.20.056

Ключевые слова

Принцип добросовестности, гражданское право, мораль, философия права, этика, соотношение права и морали, Гражданский кодекс РФ.

Введение

Актуальность темы нашего исследования обусловлена закреплением в 2012 году добросовестности в качестве общего принципа гражданского права в Гражданском кодексе РФ Федеральным Законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ.

Несмотря на введение данного принципа в систему российского права, следует признать, что проблемой остается то, что в законодательстве нет юридически закрепленного понятия добросовестности или отдельных его характеристик.

Следует отметить то важное обстоятельство, что понятие «добросовестность» нельзя считать маловажным, так как в отечественном праве оно используется в значимых контекстах. Как одну из основополагающих категорий мы находим его в ГК РФ, где добросовестность лиц фактически предполагается одним из оснований гражданского права, а недобросовестность может стать причиной отказа в защите прав.

В данной работе проводится концептуально-теоретическое исследование содержания категории «добросовестность» с целью выявления ее значимых этических аспектов. Наше исследование может быть использовано в качестве основания для дальнейшей проработки данного понятия как в философии (этике), так и в правоведении, а также, как мы надеемся, в закреплении его определения в законодательстве с учетом выделенных нами характеристик в обязательном соотношении их с правоприменительной практикой.

Работа основывается на анализе действующего российского гражданского законодательства и практики его применения, на изучении и развитии этических подходов к содержанию, сути и предназначению принципа добросовестности. Практическую базу исследования, помимо правовых доктрин и концепций, составляет также судебная практика.

В статье показано, что в отношении понятия добросовестности мы сталкиваемся с рядом ситуаций, когда лицо использует нормы права в своих интересах (злоупотребляет тем или иным своим правом), и это нас приводит к необходимости обсуждения вопросов взаимоотношений права и морали как двух важнейших форм нормативной общественной регуляции.

С учетом сказанного цель статьи можно сформулировать так: рассмотреть потенциал и риски этизации права в связи с категорией добросовестности, а также выявить теоретические основания, которые позволят сформулировать более полное определение содержания и пределов толкования термина «добросовестность», а также улучшить практику его применения.

Для достижения поставленной цели исследования мы выделяем следующие задачи: исследовать этимологию, а также проблему определения и содержания понятия добросовестности; дать анализ основных этических парадигм, помогающих раскрыть ценностный аспект добросовестности (а именно – этики добродетели и деонтологической этики); соотнести результаты этического анализа с практикой применения принципа добросовестности в гражданском праве РФ; сформулировать этические аспекты принципа добросовестности. В качестве методологического основания работы выбраны современные научные методы исследования правовых и общественных явлений, в том числе системный, диалектический, историко-правовой, сравнительно-исторический, логический, сравнительно-

правовой.

Отдельно отметим методологическую сложность в вычленении нравственного компонента правовых явлений, поэтому соотнесение юриспруденции и философии (этики) требует высокой компетентности автора, внимательности, не допускает поспешных обобщений, выводов и даже излишнего (пусть и верного с философских позиций) теоретизирования. Поставленная задача может даже показаться избыточной, однако это не так, поскольку мы нередко наблюдаем взаимообогащение правоведческой и философской мысли, а также проникновение морали не только в рассуждения правоведа, но и в судебные решения. Это происходит, как минимум, когда мы имеем дело с правовыми коллизиями, а также лакунами, к числу которых можно отнести ситуацию на данном этапе развития категории добросовестности в отечественном праве. Ряд важных ценностных категорий имеет одновременно и юридическое, и этическое содержание. Яркими примерами могут служить концепты справедливости, гуманизма. Категория добросовестности также должна рассматриваться в этом ряду. Соотнесенными с нею по смыслу понятиями, также находящимися на границе морали и права, могут выступать ответственность, долг, обязанности, честность и доверие.

Основное содержание

Для исследования и выявления этических аспектов добросовестности в первую очередь следует обратиться к общепринятому значению этого слова. Своей этимологией оно восходит к прилагательному «добросовестный», которое в «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой раскрывается как «честно, старательно выполняющий свои обязанности, обязательства» или «тщательный, усердный» [Евгеньевой, 1999]. Согласно «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, «добросовестный» означает «честный, выполняющий свои обязательства»; «основательный; старательный» [Ушакова, www]. Интересно отметить, что в начале XX века в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона определение добросовестности давалось в рамках именно юриспруденции (гражданского права): «Субъективное состояние лица, вследствие извинительного заблуждения убежденного в наличие фактов, служащих основанием приобретения или сохранения им известных прав» [Новый энциклопедический словарь, 1893, 829].

Этимология слова «добросовестный» приводит нас к понятию «доброй совести», встречающемуся в правовых текстах дореволюционного периода, и оно соответствует латинскому юридическому термину «bona fides», которое выражает нравственную честность, веру в правдивость суждения или мнения, прямоту линии поведения, а также искренность и верность [Дворецкий, 1976, 281].

Отметим, что вопрос о взаимоотношении «добросовестности» и «bona fides» римского права мы намеренно оставляем в стороне, в первую очередь, потому что это вопрос истории права, а не его современного состояния.

Таким образом, происхождение слова «добросовестность» в русском языке показывает его производность. Представляя собою старую кальку выражения «bona fides», слово «добросовестный» в то же время несет общее значение порядочности, честности намерений, готовности и желания выполнить задачу. В естественном языке синонимами могут выступить слова «старательный», «исполнительный». Вспомним также выражение «сделано на совесть». Тем самым уже на этом этапе анализа можно говорить о возможности влияния ценностных установок отечественной культуры на понимание того, что значит добросовестность. С этим

связана указанная выше необходимость в его полном юридическом определении, а также в выявлении его морального компонента, раз такого определения мы пока не имеем.

Слова «добросовестность», «добросовестный» имеют корень «совесть», что еще глубже вводит нас в круг этических категорий. В «Новой философской энциклопедии» совесть трактуется как «способность человека, критически оценивая себя, осознавать и переживать свое несоответствие должному – неисполненность долга» [Степин, www]. Что же касается субъективного понимания совести, оно представляет собой наличие у индивида внутреннего регулятора, личных представлений о должном и этически правильном, в соответствии с которыми должны реализоваться намерения и действия человека. В соответствии с данным подходом, мы можем определить добросовестного человека как того, который, совершая любые действия, руководствуется системой моральных ценностей.

Итак, отметим, что слово «добросовестность» является не просто ценностно окрашенным – оно несет существенное этическое содержание, поскольку его употребление, в первую очередь, соотносится с оценкой человека и его действий в этических категориях добра и зла («Добросовестный человек никогда не будет наживаться на чужом горе»; «Этот человек выполняет свою работу добросовестно» и т.п.).

В современном российском праве добросовестность характеризуется как оценочное понятие для определения поведения субъектов гражданского правоотношения. В статье 6 пункте 2 ГК РФ упоминается, что при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ, 1994]. «Статья 10 ГК РФ гласит, что добросовестность участников гражданского правоотношения предполагается, то есть при осуществлении и защите гражданских прав действует презумпция добросовестности; и как самостоятельный термин, характеризующий добросовестного приобретателя – п. 1 ст. 302 ГК РФ называет таковым приобретателя имущества, который, приобретая вещь, не знал и не мог знать о том, что продавец не имел права ее отчуждать» [Новиков, 2010, 85].

Обращаясь к использованию обсуждаемого термина в правовых документах современной Российской Федерации, первое, что следует учесть, – это то, что добросовестность входит в основы гражданских правоотношений как таковых: «Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются» (п. 5 ст. 10 ГК РФ). «Предполагается» в следующем смысле: из этого исходят сами участники гражданских правоотношений, вступая в них («я считаю другого добросовестным, сам убежден в своей добросовестности и ожидаю от другого такого же отношения ко мне и к себе»). Арбитражный суд исходит из добросовестности всех участников ситуации, пока не доказано обратное. Тем самым можно сказать, что предположение о добросовестности выступает своеобразной аналогией презумпции невиновности в уголовном праве.

Большая часть зарубежных правовых систем также не имеют закрепленного понятия добросовестности, однако юридически зафиксированное определение встречается в праве некоторых государств. Так, например, в Единообразном торговом кодексе США в п. 19 ст. 1–201 добросовестность обозначается как фактическая честность в поведении или сделке. В Гражданском кодексе Нидерландов под добросовестностью понимается сочетание «справедливости и разумности» [Гражданский кодекс Нидерландов: Новая кодификация, 2008, 43].

Помимо понятия добросовестности, также появляется концепт недобросовестности, каковая

по своим характерным чертам соотносится с виной (принцип уголовного права). Данное понятие часто встречается в нормах ГК РФ п. 3 ст. 157, п. 3 ст. 220, ст. 303, ст. 1103, п. 7 ст. 1252, п. 2 ст. 1512) [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ, 1996]. Так, в ст. 303 ГК РФ недобросовестный приобретатель раскрывается через формулу «знал и должен был знать». Можно сделать вывод, что характерным критерием добросовестности является элемент знания, предполагающий употребление лицом соответствующих когнитивных способностей. «Недобросовестность следует понимать как психическое отношение к своим действиям (бездействиям), базирующийся на формуле «знал и должен был знать». Поэтому недобросовестность, так же как и виновность, включает в себя интеллектуальные (осознание своих действий и предвидение возможного результата) и волевые элементы (желание или нежелание наступления этого результата). Притом интеллектуальная сторона подчиняет себе волевою сторону» [Новиков, 2012, 41].

Недобросовестным выступает лицо, пользующееся своими гражданскими правами с намерением причинить вред другому лицу или избежать ответственности (п. 1. ст. 10 ГР РФ). Кажущаяся заинтересованность такого лица в соблюдении закона (точнее, только части закона) скрывает его настоящее намерение реализовать свои противоправные интересы или причинить вред другим (см. подробнее примеры в Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. №127 «Об обзоре практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса РФ»).

Таким образом, в первую очередь под концептом добросовестности лежит представление о намерениях. Разумеется, любое лицо напрямую заинтересовано в защите и реализации своих прав и достижении своих целей. Добросовестное же лицо при этом готово действовать в правовом поле, не нарушая права другого и не имея намерения причинить вред. Добросовестное лицо может и нарушить взятые на себя обязательства, однако совершает это в силу обстоятельств, не ставя целью причинить другому вред, и прикладывая все усилия для того, чтобы обязательства были выполнены, а возможный вред – минимизирован. Тем самым истинные намерения лица – и меру его добросовестности – следует выявлять, анализируя не отдельные поступки, но поведение в целом как закономерную связь поступков.

В философии представление о намерении субъекта относительно совершения поступка (как действия, так и бездействия) связано с классическим пониманием о личности, важнейшими свойствами которой признается рациональная рефлексия, а также свободный выбор. Отдельной тенденцией истории европейской этики было обосновать убежденность в том, что безнравственное поведение человека и, в частности, неправомерное причинение вреда другому следует считать ошибкой, чем-то, что противоречит самой природе человеческой личности или, по крайней мере, вредит ей самой. В данном аспекте презумпция добросовестности в определенной степени коррелирует с представлением о моральной личности в этике.

Во-вторых, понимание добросовестности и недобросовестности тесно связано с тем, что можно назвать «буквой закона». Недобросовестный участник гражданско-правовых отношений стремится следовать именно букве закона, игнорируя либо важный событийный контекст, либо наличие других правовых установлений или ограничений.

Наконец, в-третьих, термины «добросовестность» и «недобросовестность» непрямо связаны с понятием злоупотребления правом. «Заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав» напрямую называется «злоупотреблением правом» в ст. 10 ГР РФ. Похожие выражения находим в других цитируемых здесь документах.

Указанные необходимые элементы содержания понятия «добросовестность» указывают на

его скрытое этическое значение, которое не только не исключает юридическое, но необходимым образом его дополняет. Данное положение вещей нельзя понять без обращения к общим проблемам взаимоотношения морали и права.

Для выявления этических аспектов добросовестности мы обратимся к работам тех классиков этики, которые оперировали концептами, близкими к добросовестности, чтобы сформулировать гипотезу о том, что составляет концептуальную суть этого понятия.

В «Никомаховой этике» Аристотеля, заложившего основания европейской этики, введено такое понятие, как «правосудность», которое должно привлечь наше внимание в связи с анализом категории добросовестности. Аристотель объясняет, что в общем понимании правосудностью является «такой склад души, при котором люди склонны к правосудным поступкам и желают правосудного» [Аристотель, 1983, 145]. Соответственно, говоря о неправосудности, мы имеем дело с таким складом души, при котором «поступают неправосудно и желают неправосудного» [там же, 145]. В наиболее же общем смысле правосудность у Аристотеля выступает способностью поступать в соответствии со справедливостью.

Характеризуя неправосудного человека, древнегреческий философ выделяет такие черты, как своекорыстие, несправедливость и нарушение закона, в то время как для правосудного характерны законопослушность и справедливость. Таким образом, Аристотель полагает правосудие законным и справедливым, а неправосудие – противозаконным и несправедливым. Древнегреческий философ определяет правосудность как качество, в силу которого человек способен поступать правосудно по сознательному выбору и справедливо распределять блага между собой и другими, не злоупотребляя своими полномочиями.

Аристотель приходит в своих размышлениях к тому, что человек, который по своей воле причиняет вред другим и нарушает справедливое равенство, является неправосудным по своему складу. Соответственно, правосудным человек считается тогда, когда он совершает правосудные поступки по своему сознательному выбору. Что касается ситуаций, когда человек по своему неведению осуждает кого-либо, его поступок не считается неправосудным, в отличие от случая, когда человек это делает осознанно с целью наживы и корысти. Мыслитель по этому поводу пишет: «Кто, имея такую цель, вынес судебное решение неправосудно, тот своекорыстен, подобно тому, кто принял участие в [самом] неправосудном деле...» [Аристотель, 1983, 166].

Правосудность философ определяет как добродетель в отношении к другому человеку. Эта добродетель, по Аристотелю, считается «полной», так как обращение с нею – это проявление полной добродетели, которое выражается в привнесении блага не только в отношении себя, но и другим людям. «На том же [основании] правосудность единственную из добродетелей почитают "чужим благом" затем, что она существует в отношении к другому» [Аристотель, 1983, 146]. Правосудный человек приносит пользу человеку вне зависимости от его статуса (начальник, согражданин и т.д.).

Аристотель также высказывает мысль о том, что большинство законных поступков совершается с добрым намерением, мотивом, так как закон предписывает жить по всей добродетели, хотя философ и отмечает, что быть добродетельным человеком и добродетельным гражданином не всегда значит одно и то же.

Учитывая общее влияние, которое философия Аристотеля продолжает оказывать на современную правовую культуру, неудивительно, что можно выявить аналогии его определения правосудности и рассматриваемого нами принципа добросовестности, установленного в Гражданском кодексе Российской Федерации. Когда человек совершает преступление по

сознательному выбору, он считается неправосудным по своему складу. Этим Аристотель объясняет явления, близкие к тем, которые впоследствии были описанные в законодательствах многих стран. В УК РФ мы можем соотнести с ними такие понятия, как преступление, совершенное по неосторожности, а также смягчающее обстоятельство при совершении преступления в состоянии аффекта [Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ, 1996]. По Аристотелю, в подобных случаях человек совершает преступление не по своему сознательному выбору, и, следовательно, он не является неправосудным по своему складу характера. «Суд поэтому правильно расценивает совершенное в порыве ярости как совершенное без умысла, ибо источником здесь является не тот, кто действует движимый порывом, а тот, кто разгневал» [Аристотель, 1983, 163]. Спорным элементом в данных случаях является не факт совершения преступления, а право человека так поступать в принципе.

Итак, в своем труде «Никомахова этика» Аристотель называет правосудность добродетелью и говорит о том, что совершать правосудные поступки способен только человек добродетельный, который избирает добро сознательно и осуществляет его в своих поступках, не посягая на имущество или выгоду других людей. Также, наоборот, человек, который преступает закон и причиняет вред невиновным людям по своей воле, поступает неправосудно в силу своего склада души. Представление о такого рода положительных, полезных свойствах личности, реализующихся не столько в отдельных поступках, сколько в поведении в целом, имеются в любой системе морали и относятся к так называемой этике добродетели. В рамках этики добродетели понятие добропорядочности, добрых намерений в той или иной концептуальной форме получило достаточную содержательную определенность, на основании которой можно сформулировать более точное определение добросовестности и ее критериев. Мы можем сопоставить аристотелевскую «правосудность» с концептом добросовестности, так как одним из основных компонентов добросовестности, как мы выяснили, является справедливость.

Очень важным для истории как этики, так и юриспруденции стало осуществленное И. Кантом размежевание как нормативных систем («законодательств») морали и права. В современной этике позиция Канта считается важнейшим примером другой парадигмы построения этической теории – так называемой деонтологической этики. Особенность ее в том, что нравственная ценность действия приводится в зависимость не от природы и характера человека, а от определенных предустановленных норм, имеющих для человека императивное значение. Соответственно, большинство работ в области как теоретической, так и прикладной этики, авторы которых разделяют деонтологический подход, так или иначе апеллируют к позиции И. Канта.

Обратим внимание на следующую часть этической деонтологии И. Канта, представленной в труде «Основоположения метафизики нравов». В предисловии философ высказывает мысль о том, что для признания действия морально добрым недостаточно того факта, что оно соответствует нравственному закону: оно также должно совершаться ради этого нравственного закона, ибо в ином случае «эта сообразность будет лишь очень случайной и сомнительной» [Кант, 1994, 154]. Безнравственное основание будет чаще приводить к поступкам, противным закону, чем сообразным с ним.

Проводя аналогию с принципом добросовестности, мы рассмотрим ситуацию, которую сам Кант в первом разделе своего труда дает пример поступка, сообразного долгу. Мыслитель описывает мелкого торговца, который не завышает цены для неопытного покупателя, а продает свой товар всем по фиксированной цене, тем самым поступая честно со всеми. И все же,

убежден Кант, этого недостаточно для того, чтобы счесть поступок честным и совершенным в соответствии с долгом, так он мог быть совершен с корыстными намерениями, а не из чувства долга. Подобные поступки, по Канту, не имеют «истинной нравственной ценности» [там же, 167]. Мотив очень важен: «Именно с благотворения не по склонности, а из чувства долга и начинается моральная и вне сравнения высшая ценность характера» [там же, 168]. И даже более того – моральная ценность поступка заключается в принципе воли безотносительно к целям, которых человек мог бы достигнуть посредством совершения такого поступка. «Поступок из чувства долга имеет свою моральную ценность не в той цели, которая может быть посредством него достигнута, а в той максиме, согласно которой решено было его совершить; эта ценность зависит, следовательно, ... только от принципа волеия, согласно которому поступок был совершен безотносительно ко всем объектам способности желания» [там же, 169].

Кант постулирует, что долг – это необходимость совершения поступка из уважения к закону. «Итак, поступок из чувства долга должен совершенно устранить влияние склонности и вместе с ней всякий предмет воли. Следовательно, остается только одно, что могло бы определить волю: объективно закон, а субъективно чистое уважение к этому практическому закону, стало быть, максима – следовать такому закону даже в ущерб всем своим склонностям» [там же, 169].

Итак, согласно этике И. Канта, моральная ценность поступка заключается не в результате, ожидаемом от его совершения, и не в некоем принципе совершения поступков, а в представлении о законе самом по себе, которое наличествует у разумных существ [там же, 170]. Далее в своем труде немецкий философ обращается к понятию закона и общей законосообразности поступков вообще, которая должна служить «принципом воли». Кант приходит к знаменитой формуле, что человек должен всегда поступать таким образом, чтобы он мог желать превращения своей максимы во всеобщий закон, «т.е. такой, который служил бы всем разумным существам практическим принципом также и субъективно, если бы разум имел полную власть над способностью желания» [Кант, 1994, 169]. То есть Кант оперирует представлением о поступке, совершенным с ориентацией на норму, а не из желания наступления тех или иных последствий. Кант говорит о поступках, совершенных согласно либо гипотетическому, либо категорическому императиву. Гипотетический императив свидетельствует о том, что действие совершено для какой-то цели, а категорический признает поступок сам по себе объективно необходимым, без намерения достичь какой-либо объективной цели. Приведенная выше формула и есть одна из формулировок категорического императива.

И. Кант утверждает примат морали в области норм, руководящих человеческим поведением. Однако его суждения не столь однобоки, как может показаться. Обращаясь именно к правовой сфере, Кант вводит понятие легальности (законосообразности), под которым понимает чистое соответствие или несоответствие поступка закону без учета мотива. Легальные поступки совершаются человеком согласно закону, но не ради него. Да, легальные поступки могут быть основаны на гипотетических императивах и мотивированы практической пользой, и все же легальность по сути своей является внешним соответствием поступка именно категорическому императиву [Кант, 1965, 126].

Таким образом, следует обратить внимание на тот факт, что И. Кант проблематизировал различие между легальностью и моральностью поступка, чем способствовал выявлению этического аспекта в правовой сфере. Возвращаясь к принципу добросовестности, мы можем провести аналогию с кантианским понятием моральности поступка. Добросовестность, в терминологии Канта, будет представлять собой совершение поступков, которые не только

внешне соответствуют букве закона, но и внутренне – по своим мотивам, то есть человек должен считать этот поступок своим долгом. При этом, по Канту, «чистая» легальность поступка напрямую этого не требует.

Разумеется, позиция И. Канта, даже в такой трактовке, является крайней; позднейшая и современная философия права далеко не во всем ей следуют. Тем интереснее обнаружить императивное вменение определенных намерений как основание гражданского права в последней редакции «Гражданского кодекса». В формулировке ст. 1 п. 3 ГК РФ добросовестность фактически вменяется как обязательное основание действий граждан и юридических лиц: «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений *должны* действовать добросовестно» (курсив наш – *авторы*). Должны действовать добросовестно не судьи, не лица, охраняющие правопорядок, не представители тех или иных профессий, а все граждане, вступающие в соответствующие правоотношения.

Добросовестного участника правовых отношений отличает тем самым некоего рода дополнительное намерение: не только реализовать свой интерес, но действовать в рамках закона, исполняя его настолько, насколько возможно, и не злоупотребляя им. Такая усиленная императивность свойственна нравственному отношению к действительности, причем не только в кантовском ее истолковании. (Напомним, что у Канта долг в моральном законодательстве является мотивом всегда, в то время как юридическое законодательство допускает другие мотивы).

Прежде чем двигаться далее, следует упомянуть также так называемый консеквенциалистский подход в современной этике, который в наибольшей степени воплощается в работах утилитаристской традиции – от И. Бентама и Дж.С. Милля до современного философа П. Сингера. Однако в рамках нашего исследования это подход едва ли применим, так как предлагает отвлечься как от мотивов лица, совершающего поступок, так и от тех норм, которыми он руководствуется. Тем самым, если последствия недобросовестного деяния принесли благо значительному числу лиц, а вред – крайне небольшому их количеству, то, согласно этой парадигме, в целом деяние можно признать нравственным, хотя закон и не защитил в данном случае какое-то то, пусть и незначительное, число людей.

Подведем итоги данного этапа исследования с применением сравнительно-исторического, а также логического и сравнительно-правового методов. Есть основания заключить, что утверждение долженствования действовать добросовестно приводит участников гражданских отношений под императивное вменение определенного рода «моральности» как исходной обязанности быть добросовестными. Речь в данном случае идет не о морализаторстве в праве или подчинении права внеправовым критериям, а об определенной «этизации» права (или отдельного, но важного его сегмента), включении в правовые нормы этических понятий.

Если прямое подчинение права морали (так же как и политике, религии и т.п.) нельзя признать продуктивным, то само присутствие в праве элементов нравственных представлений обнаруживается достаточно ясно и требует дальнейшего междисциплинарного анализа с участием этики.

«Правосудность» Аристотеля и кантианская «моральность» поступка в какой-то мере соответствуют современному пониманию добросовестности и имеют схожие черты, что свидетельствует о наличии у категории «добросовестности» этических аспектов и требует ее моральной характеристики в праве в том числе. Изучение работ ключевых представителей европейской этики помогло нам выделить возможные характеристики добросовестности,

воспринимаемой как моральная категория, что является существенным для понимания сути данного понятия.

Для определения потенциала использования выявленных этических аспектов добросовестности, а также апробации полученных результатов обратимся к судебной практике РФ и на примере применения в судопроизводстве статьи 10 ГК РФ проведем этический анализ следующего прецедента.

Гражданин А, бывший генеральным директором акционерного общества, подал иск в арбитражный суд на решение совета директоров акционерного общества, в ходе которого были прекращены его полномочия и избран новый генеральный директор [Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 127, www]. По уставу акционерного общества решения, касающиеся назначения и досрочного прекращения полномочий генерального директора общества, могут приниматься не менее чем пятью голосами при обязательном присутствии на заседании всех членов совета директоров. Согласно уставу, в совет директоров входит семь человек.

Решение об отставке гражданина А от должности генерального директора было принято на собрании в присутствии шести человек. В ходе голосования все члены совета пришли к единогласному решению о прекращении полномочий гражданина А, однако, согласно уставу, данное решение могло быть принято только при полном составе совета директоров, что могло бы свидетельствовать о неправомерности решения совета. Суд кассационной инстанции отказал гражданину А в удовлетворении иска по следующим причинам. В заседании совета директоров не принял участие сам истец, несмотря на то, что, будучи генеральным директором, он также являлся членом совета директоров. Суд установил, что истец был осведомлен о месте и времени проведения заседания, а также о том, какому вопросу оно посвящено. Истец не оспаривал отсутствие уважительных причин неучастия в заседании. Таким образом, истец был заинтересован в непринятии на заседании совета директоров решения о досрочном прекращении собственных полномочий как генерального директора, вследствие чего использовал положение устава общества в своих интересах и посредством неявки на собрание имел намерение противодействовать принятию данного решения. В итоге суд кассационной инстанции отказал гражданину А в удовлетворении поданного иска и признал действия истца «злоупотреблением правом на оспаривание решения совета директоров» [Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 127, www], так как нарушение устава общества было совершено из-за недобросовестного поведения самого истца, не явившегося на совет директоров без какой-либо уважительной причины. «С учетом названных обстоятельств иск не подлежал удовлетворению в силу положений абзаца первого пункта 1 и пункта 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ, 1994].

Таким образом, в данном судебном случае недобросовестным действием является намеренная неявка гражданина А на совет директоров. С этической точки зрения в этом случае недобросовестность должна быть проанализирована как мотив, намерение совершения поступка. Если бы гражданин А пропустил заседание по уважительной причине, то есть ненамеренно, его действие не было бы признано недобросовестным. Моральная оценка поступка согласно его мотиву входит в число основных парадигм нравственного сознания, она встречается как в кантианской, так и в аристотелевской традиции, а также у многих иных классиков этической мысли. Следует отметить, что здесь термин «мотив» нами употреблен в этическом смысле, и, руководствуясь таким его пониманием, мы далее раскрываем этический

аспект категории добросовестности. Как мы показали ранее, согласно Аристотелю, человек, нарушающий справедливое равенство и причиняющий вред другим, считается неправосудным по своему складу. Действие, выполненное человеком осознанно с целью наживы и корысти, как в случае гражданина А, свидетельствует, в терминологии этики добродетелей, о неправосудности его характера. Правосудные поступки способен совершать человек добродетельный, который не руководствуется только своей выгодой, чего нельзя сказать о гражданине А; следовательно, его действия, согласно аристотелевской традиции, являются неправосудными.

Переходя к деонтологическому подходу, используем кантианское разделение поступков на легальные и моральные. Различие, как мы выявили ранее, заключается в наличии цели и намерения совершения поступка. Так, в терминологии Канта, поступок гражданина А был совершен согласно гипотетическому императиву и имел практическую необходимость в виде средства достижения своей цели, что свидетельствует о том, что данный поступок является неморальным. Также мотив гражданина А противоречит идее долга, основанной на законе, что свидетельствует о нелегальности данного поступка.

Заключение

Таким образом, рассмотрев данное разбирательство, представленное в Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, с точки зрения этической экспертизы, использующей подходы этической деонтологии и этики добродетелей, следует сделать вывод о том, что поступок гражданина А будет противоречить принципу добросовестности. Разбор и этический анализ судебных прецедентов помогают выделить содержание понятия добросовестности и компенсировать отсутствие четко определенного юридического термина. Однако в немалой степени прояснить это содержание помогает использование основных подходов этического анализа.

Исходя как из объективного контекста, так и из субъективных характеристик личности, можно предложить следующие дополнения к пониманию условий и критериев добросовестности: установлено, что мотивы лица соответствуют содержанию данной законодательной нормы; лицо исходило из намерения совершить именно этот поступок.

Концептуальное исследование понятия добросовестности и выявление его этических характеристик и аспектов может способствовать фиксации более определенного содержания термина «добросовестности» в российском праве. Детальное и непротиворечивое определение добросовестности облегчит рассмотрение дел, связанных с нарушением статьи 10 ГК РФ. Более глубокое понимание взаимосвязи между моралью и правом, мы надеемся, повлияет на укрепление гуманистического подхода в юридической практике.

Библиография

1. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. Гражданский кодекс Нидерландов: Новая кодификация. М.: Наука, 2008.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь: около 50 000 слов. 2-е изд. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
6. Евгеньевой А.П. Словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999. URL: <http://feb->

- web.ru/feb/mas/mas-abc/05/ma141019.htm.
7. Жильцов А.Н., Муранов А.И. (ред.) Единообразный торговый кодекс США (извлечение) 1952 г. Международное частное право: Иностранное законодательство. М.: Статут, 2000. 892 с.
 8. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Об обзоре практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса РФ». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83961/a8a973dc5b94ff5a646a60aa709a3fd0d8b5b988.
 9. Кант И. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. 630 с.
 10. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. 478 с.
 11. Новиков М.В. Добросовестность как принцип права // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства Российской Федерации: сборник тезисов докладов (по материалам Всероссийской ежегодной научной студенческой конференции). Саратов: Саратовская государственная академия права, 2010. С. 85-86.
 12. Новиков М.В. Понятие добросовестности в гражданском праве: теоретический анализ // Молодой ученый. 2012. № 1(36). Т. 2. С. 41-43.
 13. Новый энциклопедический словарь. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1893. 499 с.
 14. Степин В.С. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2000-2001. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0186d368b06fab3bed4e2d86>.
 15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
 16. Ушакова Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1935-1940. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/05/us172801.htm?cmd=0&istext=1>.

The ethical guidelines for understanding of good faith principle in the framework of civil law of the Russian Federation

Alina Kh. Bytdaeva

Bachelor,
Institute of Philosophy of the Saint Petersburg State University,
99034, 5 Mendeleevskaya liniya, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: alina.bytdaeva@mail.ru

Igor' Yu. Larionov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Acting Head of the Department of philosophical anthropology,
Institute of Philosophy of the Saint Petersburg State University,
99034, 5 Mendeleevskaya liniya, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: i.larionov@spbu.ru

Abstract

This paper is devoted to the analysis of the concept of good faith in order to identify its ethical aspects. The relevance of the work is due to the lack of legislatively enshrined disclosure of the content of the principle of good faith, which creates difficulties in understanding it and determining its characteristic properties. In this research, the authors come to the conclusion that the elements of the content of the concept of good faith indicate its hidden ethical meaning, which does not exclude the legal content, but is a complement to it in an effective way. The relationship between law and morality are investigated, insofar as the clear understanding of this relationship is necessary for studying such theoretical issues. An attempt is made to substantiate the hypothesis that good faith serves as a common environment for legal relations expressed in ethics in terms of responsibility,

decency, honesty, and moral duty. The methodological basis of the research involves the principles of a comprehensive analysis of the history of ethical and legal ideas. The comparative method and the method of generalization are used in the study and analysis of theoretical studies of Russian and foreign authors, as well as materials of judicial practice. The category of good faith has also been analyzed by applying the paradigms of deontological ethics and virtue ethics.

For citation

Bytდაევა A. Kh., Larionov I. Yu. (2023) Eticheskie orientiry ponimaniya dobrosovestnosti v kontekste grazhdanskogo prava RF [The ethical guidelines for understanding of good faith principle in the framework of civil law of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (4A), pp. 294-307. DOI: 10.34670/AR.2023.47.20.056

Keywords

Principle of good faith, civil law, morality, philosophy of law, ethics, relationship between law and morality, Civil Code of the Russian Federation.

References

1. Aristotel'. *Sochineniya* [Works] (1983). In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ.
2. Dvoret'skii I. Kh. (1976) *Latinsko-russkii slovar': okolo 50 000 slov* [Latin-Russian dictionary: about 50,000 words], 2nd ed. Moscow: Russkii yazyk Publ.
3. Evgen'evoi A. P. (1999) *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes], 4th ed. Moscow: Russkii yazyk Publ.. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/05/ma141019.htm> [Accessed 18/03/2023].
4. *Grazhdanskiĭ kodeks Niderlandov: Novaya kodifikatsiya* [Dutch Civil Code: New Codification] (2008). Moscow: Nauka Publ.
5. *Grazhdanskiĭ kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 16.12.2019)* [Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on December 16, 2019)] (1994). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 3301* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 3301], 32.
6. *Grazhdanskiĭ kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 29.07.2018)* [Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 29, 2018)] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 410* [Collected Legislation of the Russian Federation. Art. 410], 5.
7. *Informatsionnoe pis'mo Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 25 noyabrya 2008 g. № 127 «Ob obzore praktiki primeneniya arbitrazh-nymi sudami stat'i 10 Grazhdanskogo kodeksa RF»* [Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of November 25, 2008 No. 127 "On a review of the practice of applying Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation by arbitration courts"]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83961/a8a973dc5b94ff5a646a60aa709a3fd0d8b5b988 [Accessed 19/03/2023].
8. Kant I. (1994) *Sobranie sochineniĭ. V 8 t. T. 4* [Collected Works. In 8 vols. Vol. 4]. Moscow: Choro Publ.
9. Kant I. (1965) *Sochineniya v shesti tomakh. T. 4. Ch. 2* [Works in six volumes. Vol. 4. Part 2]. Moscow: Mysl' Publ.
10. Novikov M. V. (2010) *Dobrosovestnost' kak printsip prava* [Conscientiousness as a principle of law]. *Aktual'nye problemy reformirovaniya sovremennogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii: sbornik tezisov dokladov (po materialam Vserossiiskoi ezhegodnoi nauchnoi studencheskoĭ konferentsii)* [Proc. Conf. "Actual problems of reforming the modern legislation of the Russian Federation"]. Saratov: Saratov State Academy of Law, pp. 85-86.
11. Novikov M. V. (2012) *Ponyatie dobrosovestnosti v grazhdanskom prave: teoreticheskii analiz* [The concept of good faith in civil law: theoretical analysis]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 1(36), 2, pp. 41-43.
12. *Novyi entsiklopedicheskii slovar'* [New encyclopedic dictionary] (1893). Saint Petersburg: F. A. Brokgauz i I. A. Efron Publ.
13. Stepin V. S. (2000-2001) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes]. Moscow: Mysl' Publ. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0186d368b06fab3bed4e2d86> [Accessed 18/03/2023].
14. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 07.04.2020)* [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 07, 2020)] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva RF.. St. 2954*

[Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 2954], 25.

15. Ushakova D.N. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M.: Sovetskaya entsiklo-pediya, 1935-1940* [Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Soviet encyclopedia, 1935-1940]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/05/us172801.htm?cmd=0&istext=1> [Accessed 21/03/2023].
16. Zhil'tsov A.N., Muranov A.I. (ed.) (2000) *Edinoobraznyĭ torgovyĭ kodeks SShA (izvlechenie) 1952 g. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Inostrannoe zakonodatel'stvo* [United States Uniform Commercial Code (extract) 1952 Private International Law: Foreign Law]. Moscow: Statut Publ.